

РОМАН
КАЧАНОВ:

Я ДОБРЕЕ ДОСТОЕВСКОГО

— Похоже, вы избрали для себя путь скандала. Ведь сделать такой смешной фильм об армии, как «ДМБ», когда вооруженные силы вызывают какие угодно ассоциации, кроме веселых, — это поступок вызывающий. То же самое и с Достоевским, которого вы решили радикально осовременить, а на главные роли взять Бондарчука и Охлобыстина...

— Специально мы никаких скандалов не ищем. Про «ДМБ» мне с самого начала говорили: «Ага, ты делаешь фильм против армии, издеваешься!» Но я думаю, что в юморе нет ничего плохого. Смех — признак силы. И если наша армия, при всех ее недостатках, описаниями которых переполнены газеты, может смеяться над собой, значит, это сильная армия. Наш фильм смотрели на погранзаставах, в боевых частях, в военных округах. Казалось бы, он посвящен солдатам срочной службы, рядовым. Но и офицеры, и чины повыше тоже с радостью нашли в нем себя, хохотали и совсем не обижались. Я знаю, что некоторые военные просто засмотрели картину до дыр. Ведь одним только пиратских кассет вышло два с половиной миллиона. Лицензионных, к сожалению, гораздо меньше.

А с Достоевским... Для тех, кто каждый день с наслаждением смотрит фильмы про всяческие смертоубийства, наш проект, может быть, и скандален. Они просто не будут этот фильм смотреть. Кровавое месиво из милиционеров и бандитов они считают нормой, а князь Мышкин, да еще «переехавший» в наше время, — это, по их понятиям, уже экссес. Но начитанных «достоевсковедов» мы, я думаю, как раз не эпатируем. Федор Михайлович и сам большой проказник и к героям своим относился скорее не как к людям, а как к зверушкам каким-то, мышкам или тараканчикам. Он вообще считал человека довольно неприятным существом. Мы даже, пожалуй, менее радикальны в своих замыслах, чем он сам. Потому что все, что Достоевский предрекал, уже пережили. Мы во всей этой дряни живем. И уже хочется быть немножко добрее к людям.

— Ди-джей Грув, один из героев сегодняшней массовой культуры, любимец зрителей MTV, — это тоже подарок мудрым «достоевсковедам»?

— У нас же все-таки фильм называется не «Идиот», а «Даунхаус». Гибрид из двух английских слов. «Даун» можно перевести как «умалишенный». А «хаус» — это модное течение в танцевальной музыке. Отсюда и выбор композитора. Это для меня, в мои 33 года, Грув выглядит как что-то продвинуто-молодежное. А для какого-нибудь семнадцатилетнего парня он уже никакой не авангард. Наш фильм будет адресован еще и тем, у кого Достоевский ассоциируется со школьными двойками, с принуждением читать его романы под присмотром скучных, бездарных учителей, с вызовом родителей к завучу. Думаю, им будет приятно увидеть, что этот автор — совсем другой, что он так здорово ложится на нашу современность.

— Вы тоже из тех, у кого Достоевский ассоциируется с двойками?

— Я-то как раз нет. Достоевского, представьте, читал несколько раз уже после школы. А вот Иван Охлобыстин не читал. И книжку взял в руки только после того, как я сказал ему, что хочу экранизировать «Идиота». Роман он вообще не помнил и где-то на середине книги начал всяческими способами увливать от дальнейшего чтения. Последние страницы домучивал исключительно в моем присутствии, после уговоров и угроз. Но это даже хорошо, что он не был в материале. В результате сценарий получился таким, как я хотел. Планируется множество компьютерных спецэффектов, долби-

Его отец был одним из самых известных советских мультипликаторов, снял знаменитый анимационный сериал про Чебурашку и Крокодила Гену, «Тайну третьей планеты» и трогательную «Варежку», заработавшую множество международных наград. Несколько лет назад режиссера Романа Качанова-старшего не стало, а его сын и полный тезка Роман Качанов-младший оказался первым и пока единственным продолжателем кинематографической династии. Только силы свои он пробует в игровом кино. Причем пробует так, что не соскучишься. Его полнометражный дебют «ДМБ», соединивший в себе философскую комедию и эстетику незамысловатых армейских анекдотов, стал одним из рекордсменов видеопродаж в нынешнем сезоне. Кстати, Качанов намерен шокировать зрителей и дальше. На днях он приступил к съемкам своей второй картины «Даунхаус». Герои — странные ребята, обитающие в сегодняшней России. Только вот затеяна эта история по мотивам Достоевского Федора Михайловича и его романа «Идиот». Мало того, в роли князя Мышкина выступит клипмейкер Федор Бондарчук, а Пантелеймона Рогожина сыграет весьма эпатажный сценарист, актер и режиссер Иван Охлобыстин, с которым Качанов и написал дерзкий сценарий по роману классика.

звук и прочие радости современных технологий. Ведь о нашем времени тоже когда-то будут складывать саги и писать исторические романы. Это сегодня, глядя изнутри, его трудно «зацепить», да еще и сделать это талантливо, художественно. Может, для этого и надо было взять старое классическое произведение и перенести его в конец XX века.

— Ну и чем же будут у вас заниматься герои в современной Москве?

— Да тем же, чем и в романе, будут заниматься. Мышкин у нас — эмигрант в третьем поколении. Он вообще в Россию приезжает первый раз. На историческую родину полюбаваться, а заодно наследство получить. Чиновники остаются чиновниками в таких же вороватых департа-

ментах. Ну а генералы как были генералами, так и есть. Эта порода в России вообще претерпела мало изменений.

— Генерала Епанчина у вас играет литовец Юозас Будрайтис, генеральшу Епанчину — Барбара Брыльска, генерала Иволгина — поляк Ежи Штур. Откуда такое пристрастие к актерам из «ближнего зарубежья»?

— Просто Россия — страна стихийных бедствий. Очередное стихийное бедствие — это нескончаемые телесериалы. Все как-то вдруг решили, что если нам надоели македонские сериалы, то ни за что не надо делать наши. Поэтому срочно надо их лепить в невероятном количестве. И множество

актеров, даже хороших, уже успело безнадежно заштамповаться в этом конвейере. Их сериальные маски так прилипли к лицу, что не отодрать. В сериалах же все просто: если щетина у героя однодневная, значит, — милиционер, если двухдневная, значит, — бандит. А иностранцы от этого свободны. Я бы, может, из «дальнего» зарубежья тоже кого-то пригласил, если бы бюджет фильма позволял.

— Но в главных ролях у вас москвичи, причем ваши однокурсники.

— Действительно, мы с Бондарчуком и Охлобыстиным учились вместе и всегда дружили. Я думаю, что люди на съемочной площадке должны быть связаны не только общей работой. Это слишком скучно и может не дать нужного результата. Лучше, когда еще что-то объединяет. Хотя бы пьютка.

— А Бондарчук-то сам не удивился предложению сыграть Мышкина? Как-то странно давать такую роль абсолютно благополучному человеку, в котором не чувствуется надлома, странностей.

— Да ну? Я-то Федю всегда воспринимал как человека со странностями. Подумайте, разве может нормальный человек десять лет упорно заниматься в России рекламой? И в жизни у него были разные времена — не только сплошное благополучие. Мышкин — он же как ниндзя из монастыря Шаолинь. Восемь лет он там прожил, и вот спускается с горы. Где-то там ему клизмы ставили, прописывали всякие лечебные души, но мы-то знаем, что он всех дурачил. У него просто есть какая-то своя цель. Может быть, маниакальная, безумная. Наш рекламный бизнес, в котором столько времени провел Федя, — это тоже своего рода монастырь Шаолинь. Тусовка, состоящая из одних и тех же пятидесяти человек, мало связанная с внешним миром. Теперь вот он выйдет в жизнь. Возможность сыграть такую роль его очень обрадовала. Он понял, что пора подниматься на новую ступень. Просто даже возраст этого требует.

— Достоевский — один из самых популярных на Западе русских авторов. Вы делаете на это ставку, думаете провалиться на фестивали со своей экстравагантной версией «Идиота»?

— Не уверен, что русская литература так уж интересна сегодняшней западной публике. Как и вообще Россия. Ну может, есть там несколько больных, которые такой литературой интересуются. Но их очень мало, даже среди интеллектуалов. А потом, у современного «интеллектуального» кино, которому гарантировано попадание на престижные фестивали, есть жесткий и совершенно убийственный стандарт. Кто хочет попасть в эту когор-

ту, должен снимать фильмы про издевательства над женщинами и животными, в числе главных героев должен быть хотя бы один гомосексуалист, а действие лучше всего разворачивать на дне пересохшего озера. Потому что тогда еще и экологическая тема идет в ход. Я не могу по таким рецептам работать. Я слишком здоровый человек для этого.

— И что, мистика Достоевского вас совсем не увлекает?

— Пресловутой мистики мне хватило в чужих фильмах и спектаклях по Достоевскому. Каждый уважающий себя вгиковский студент хоть раз снимал этюд по мотивам Федора Михайловича. Кто-то обязательно кого-нибудь душил в темном углу, с потолка свешивались грязные тряпки, а в другом углу что-то противно капало в таз. Я сам такого не снимал, но играл в одной такой короткометражке. Привязали к кровати, текста почти никакого не было, зато как раз капало что-то все время. Мне, наверное, юмор мешал творить подобным образом.

— А ваш отец, мультфильмы, которые он делал, его юмор, который был очень добрым, — это все как-то повлияло на вас, на ваше мировоззрение?

— Ну это не мне судить. Конечно, весь творческий процесс с детства протекал у меня на глазах. Мы жили в стесненных квартирных условиях, я все время путался под ногами и наблюдал, как работают папа и его коллеги, друзья. Но это было совсем другое время и совсем другое кино. И технологически, и психологически. У тогдашних людей, работавших в отрасли, которая по доходности могла равняться с вино-водочной, было определенное самоощущение. Они жили с четким сознанием, что делают большое дело. Сейчас ощущение несколько другое, и вообще, связь времен глобально прервалась. Если то, что я делаю, может послужить каким-то мостиком между тем кино и нынешним, то это здорово.

А отцу я отчасти обязан тем, что пришел в художественное кино. Конечно, в раннем детстве мне тоже хотелось придумывать мультики. Но папа как-то, не подумав, сказал мне, что я рисовать не умею. Года в четыре, кажется. И этот диагноз у меня в подкорке засел. А если ты не художник, то соваться в мультипликацию глупо. И потом, папа столько всего натворил хорошего, что, если бы я полез следом за ним, сравнений со знаменитым родителем сейчас было бы гораздо больше. Причем явно не в мою пользу. В результате я бы заработал разве что кучу комплексов и стойкую неврастность. Она, конечно, и так выработывается. Но уже по поводу игрового кино. □

Качанов-Младший Review 16.08.2000

208